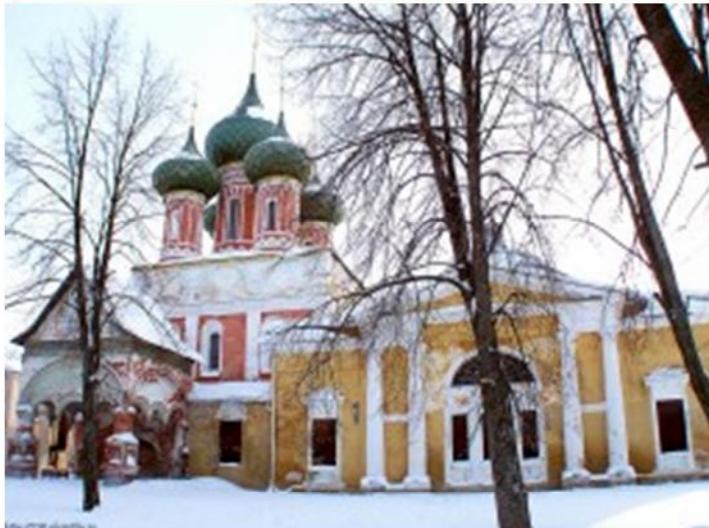

Литературно-краеведческая газета
Нерехтская
№ 8 (29)
декабрь
2014

О патриотизме

Нередко мы слышим «Патриоты России»,
«Патриоты Донбасса»...

Что же это за чувство такое — патриотизм? Размыслия над этим, старшеклассники сразу обращаются за примерами мужества, подвига героев в годину военного лихолетья. И это бесспорно. Ведь патриот — это человек, любящий свою Родину, край, готовый пожертвовать своей жизнью для её защиты.

Ну, а в мирной жизни, без пафоса борьбы, есть ему место? Можно ли рассматривать как патриота человека, который работает не ради зарплаты, а созидает своим трудом что-то значимое для своего края или воспитывает молодое поколение, обогащая его знанием и любовью к родному краю?

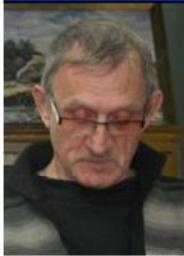
Размыслия над этим, убеждена, что, безусловно, проявлению этого чувства всегда есть и место, и время. Уверена и в том, что воспитание патриотизма — важнейшая государственная задача.

В школе № 2 уже не первый год проходит так называемая «Битва хоров». В этом году она проходила под девизом «О доблести, о подвигах, о славе...» /А. Блок/. Условия конкурса очень просты: каждый класс в полном составе исполнял песню, инсценируя содержание текста. В зале кроме школьников и учителей — родители и гости. Надо было видеть, как каждый хор, исполняя песню, которая так редко теперь звучит в эфире, старался отразить дух этого времени. «Орленок» и «Тачанка»,

«Смуглянка» и другие песни вызывали такую горячую поддержку зала, что отвергала настрой конкуренции. Песни хоров, кадры из к/фильма «Офицеры» побуждали к сопереживанию, к знанию истории Отечества, пробуждали патриотизм. Что скрывать, взрослые нередко смахивали слёзы, потому что трудно было бороться с охватившим волнением и благодарности за песни, с которыми они росли, их знали. Прекрасными заключительными номерами стали выступления старшеклассников. Десятый класс исполнил песню «Давай за...», представив минуты затишья между боями в Чеченской войне. «Раненый» десантник, медсестра, усталые бойцы и командир с гитарой — всё это было естественным, побуждало зрителей к сопереживанию. И, наконец, выступление выпускников с песней «Кто, если не мы» стало своеобразным обращением и клятвой...

Это один из эпизодов одной школы. Каждый коллектив имеет свои традиции, дает не только знания школьникам, но и воспитывает в детях сопричастность к тому, что происходит в стране и мире. «Что посеешь, то и пожнёшь» — утверждает народная мудрость.

Сегодня мы с болью смотрим «Новости» о событиях на Украине. Разговоры и размышления о том, почему продолжается безумство гражданской войны. Но нет здравого ответа, есть предположения почему это возникло... И не уходит тревога о том, что этот «костерок» может разгореться...

Александр
Кузнецов

* * *

Друзья, беда на Украине.
А значит, и у нас беда.
Она не с краю, в середине.
Наш долг ей помочь всегда.

За то, что вместе отстояли,
От Гитлера страну спасли.
Ведь мы бок о бок воевали
И мир всем странам принесли.

А то, что вытворяют Штаты
(у них в умах всегда разбой)
Те, кто слабей, и виноваты.
И президент их, как ковбой.

Кто слабее, топчут сапогами
И под себя подмять хотят,
Снабжают крупными деньгами
Продажный их электорат

Поможем братьям, мы же можем,
Родных негоже забывать.
Тем веру в дружбу приумножим,
И нам не надо угрожать!

Валентина
Назарова

ТЫ чувствуешь, пахнет гарью...

Te, кто не чувствуют мрака, никогда не будут искать света.

Генри Бокль

Ты чувствуешь, пахнет гарью?
Ты видишь, сгущается мрак?
И мир, словно в страшном угаре,
Очнуться не может никак!
Неужто ли в час предзакатный,
Ту жизнь, что дарована мне,
Заманят в пожар необъятный,
И все мы погибнем в огне!?
Ах, как мы желаем свободы!
Но что получаем взамен?
Пожарищ кипящие воды,
Да горькие гроздья измен.

Но может нам всё это снится?
Трясу головою седой,
И кружит тревожная птица
Над нашей с тобою бедой.
Что толку в одежды рядиться,
А в храмах столбы подпирать.
Не дай же нам, Бог, возгордиться,
И нос пред соседом задрать.
Дай, Господи, острую совесть,
Дай смелость, подняться на бой,
Отчизну от полчищ бесовых
Спасти, заслонивши собой.

2014-й год обозначился столетним юбилеем I Мировой войны, ставшей неизвестной в России. В Нерехте прошла конференция и выставка, которые открыли имена нерехтчан, участников этой войны. Школьники, проведя исследования, сделали много открытий для новой истории этого периода.

Евгения Павловна Ревакова на основе исторических материалов воссоздала страшную картину газовой атаки Германии против русских защитников крепости Осовец (Позднее получившей название Брестская).

Атака Мертвцевов
под Осовцем

Нас не было тогда ещё на свете,
Когда пыпал четырнадцатый год
Война шагала грозно по планете,
Дрожал от взрывов крепости оплот.

Сквозь чёрный дым горячего металла
Звучал набат натруженных сердец.
«Толстушка Берта*» гулко грохотала,
Но не сдавал позиций Осовец!

Осада продолжалась дни и ночи,
С лица земли стирались блиндажи,
Казалось, враг себе погибель прочит,
России разрушая рубежи...

Стонала крепость, смерть над ней витала...
Пришёл приказ: «Противника держать!»
Российскому солдату предстояло...
В бою том до последнего стоять!

Германия от злобы задыхаясь
Коварный план готовит тот же час,
К прорыву обороны той склоняясь,
В ответ: «Атака! Ядовитый газ!..»

И для надёжности артподготовку
Даёт вслед непокорности сполна,
Но крепко держат русские винтовки...
А хлор сжигает заживо тела...

Такого ужаса земля не знала:
Природа, люди превращались в прах
А шестьдесят солдат - то, что от них осталось,
Рыгая кровью, шли, презревши страх.

В багровом зареве лицо и плечи...
Безжизненны шли люди- Мертвцы,
Шли семитысячной орде навстречу
Во имя правды русские бойцы!..

Шли на врага, не слыша канонады,
В упор, не видя лютого врага, -
И дрогнули германца спецбригады,
Свой пыл, путив в позорные бега!..

Атака та была исчадьем ада,
Бежали немцы и, не чуя ног,
Ложились замертью под бой снарядов,
Что слал вдогонку бездыханный форт.

Сто лет с тех пор уж мИнуло - не мало,
То время стало нам, как оберег!
Тогда по миру гордо прозвучало,
Что не сдаются русские вовек!

* Берта — большая пушка

*Когда наступает юбилейная
дата, возникает желание
перелистать в памяти
прожитое, оценить достигнутое...*

В канун Нового года **Анатолий Владимирович Коршаков** отметит свой замечательный юбилей. «Так что же есть в его судьбе, что он сберёг, что накопил?»

Не буду перелистывать страницы его биографии, а тем, кому это интересно, нужно взять его новую книгу **«Нерехта - свет души моей»**. Думается, что добрый читатель получит удовольствие не только от чтения рассказов, очерков, воспоминаний и стихов, но и убедится, что автор перед белым листом рукописи, как на исповеди, откровенен в своих чувствах и мыслях. А ещё становится очевидным, что автор - неравнодушный человек.

*«Вот карточка визитная моя,
С ней познакомясь, можно догадаться,
Кто я такой, откуда родом я,
И чем мне интересно заниматься...»*

Книгу, безусловно, достойно оценят наши краеведы. Ведь в воспоминаниях А. Коршакова оживает история развития нашего города, местные легенды, остаются в памяти земляков имена достойных людей.

Автор, словно хозяин перед своим сундуком с богатствами, перебрал свои рукописные труды, которые либо были когда-то опубликованы, либо ждали этого дня, и сложил в одну шкатулку. Книгу.

Эта книга — подарок детей Анатолия Владимировича отцу к юбилею и нам, нерехтчанам. Низкий поклон им от нас за книгу. Истинный патриот

* * *

Наш друг, Коршаков Анатолий!
Мы с ним знакомы уйму лет.
Он мастер басен и историй,
Он всеми признанный поэт.

Живёт всю жизнь в сопровождении
Своих детей, своих внучат.
Но всякий раз на день рождения
К нему в окно года стучат.

Прошли года – он их встречает
И лобызает у дверей,
Стихом восторженным венчает,
Вплетая «дактиль» и «хорей».

Он так находчив в красноречии
И так парирует умно!
В прямом бою его картечью
Врагов немало сражено.

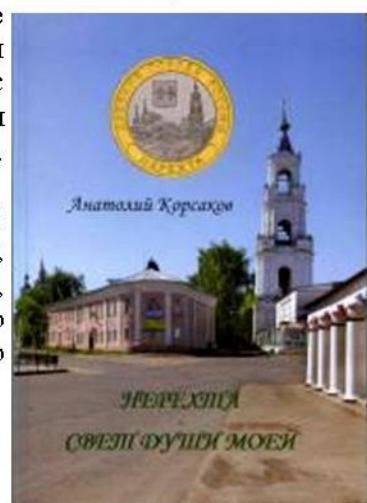
А.В. Коршаков свои лучшие стихи посвящает Нерехте, а признание в чувствах он выразил в названии книги.

*Мой городок Москве почти ровесник,
Пусть не пришло ему столицей стать,
Он скромен, тих, порядочен и честен,
Достоинства ему не занимать!*

Написать рецензию на эту книгу сложно, т.к. она очень разнообразна по жанрам. Даже если взять меньшую часть книги с поэтическим творчеством А. Коршакова, то вызывает удивление, что у него есть стихи философские и сатирические, исторические и лирические, юмористические и посвящения. Сам же автор, беседуя с читателем, говорит: *«В этой книге всё наоборот. Вместо предисловия ... послесловие, завершающее эти воспоминания. ... Рассказы и воспоминания не подобраны по тематике и хронологически не следуют друг за другом по датам. Почему такая свобода в пространстве? Если читатель сам поймёт, что их объединяет, то это для него будет приятным открытием...»*

Дорогие читатели, вас ждёт встреча с новой книгой. А мы все вместе поздравляем Анатолия Владимировича с юбилеем и рождением новой книги, замечательного литературного памятника! Пожелаем ему здоровья, новых творческих трудов, оптимизма и постоянного ощущения душевного тепла от окружающих!

И. Лешкова

Он сердцем, беспредельно чутким,
Достал до радуги-дуги!
А про врагов? Так это шутки!
Какие могут быть враги?

Сердца поэтов в жестких шрамах.
Сердца, протёртые до дыр!
Сквозь эти дыры, эти раны
Поэты прозревают мир.

Не обижайтесь на поэтов,
На их порой жестокий слог.
Они сквозь тьму стремятся к свету.
Вся жизнь у них – и Бог, и рок.

Так дай же, Бог, счастливой доли!
И жить до ста, положим, лет.
Наш друг, Коршаков Анатолий,
Поэт, писатель, краевед.

Валентина Назарова

С любовью и уважением

«Лицо» наш Анатолий Коршаков
На слово остёр, загорится, как факел.
Ценная грань в его творчестве есть:
Ярый борец он за правду и честь.

Острый пером все ограхи покажет.
Где что не так, кто виновен – подскажет,
Чтоб не прощали тех наглых лжецов.
Чьи обещанья не шли дальше слов.

Нам бы побольше таких смельчаков,
Чтоб не боялись они колких слов
И чтобы могли до людей донести,
Как положение всем миром спасти.

Скажем спасибо за честность и ясность.
Всё в Вашем творчестве просто прекрасно!

Татьяна Вагнерова

**Валентина
Назарова**

Он каждый день идёт на площадь,
И кормит сизых голубей.
"Сидеть бы дома было проще," -
Вот мненье сведущих людей.
Но у него глаза, как окна,
За теми окнами тепло,
Нога, вот жаль, совсем промокла,
Её волочит тяжело.
Он птицам не жалеет хлеба -
Садится голубь на плечо,
А дед печально смотрит в небо,

И губы шепчут горячо,
Свою заветную молитву,
Что в детстве научила мать.
Твердит её, сбиваясь с ритма,
Боясь, как будто опоздать.
Стоит один, глотая слёзы,
Сияют «окна» синевой,
Бледнеют щёки от мороза,
Сплошною точкой болевой.
Но, будто длят он наши сроки,
Но, будто дарит чистый вздох!
Молись, старик, за нас жестоких,
Авось тебя услышит Бог!

Валентина Назарова Булки

Бедная Клава попала под раздачу лихих девяностых. Лаборатория, в которой она отработала более тридцати лет претерпела реорганизацию, и Клаву сократили. Мотивация была такова: на иждивении не было несовершеннолетних детей, жила одна, и начальство посчитало, что себя саму всегда есть возможность прокормить.

Побегав по городу в поисках какой-нибудь работы, Клава наткнулась на объявление, что требуется продавец в продовольственный ларьёк. График подходящий — два через два. Немного поразмыслив, она решила, что лучше такая работа, чем никакая.

Казалось: ничего не изменилось в её жизни. К труду руки были привычны, она резво принимала товар, писала ценники, расставляла продукты по полкам и торговала. Ей даже нравилось этим заниматься: в далёком и счастливом детстве у неё во дворе тоже был маленький игрушечный магазин и даже весы с двумя гирьками. Гирьки эти были для неё особенной гордостью, ведь у большинства детей в те времена не было подобных игрушек. А теперь эта игра, по воле судьбы, превратилась во взрослую и неизбежную реальность.

Клава ещё не утратила былой привлекательности, она умела себя преподнести: прилично одевалась, носила модную стрижку и очень гордилась своей фигурой, не потерявшей некоторой стройности. Её приятная пышнотелость нравилась многим мужчинам, она это знала, но вела себя пристойно и благородно. Вообще, это пресловутое благородство даже иногда и мешало ей в личной жизни, потому что, будучи дважды замужем, она немного остерегалась вступать в какие-либо серьёзные отношения с мужчинами. Возраст неумолимо двигался к пятидесяти, и она не имела права на ошибку в отношениях. Её избранник должен быть свободным, серьёзным и непьющим. Эти три условия, как барьер, отделяли Клавино нежное сердце от многих претендентов на её красоты.

Первые месяцы Клава находилась в некоторой эйфории: работа нравилась, зарплату получала вовремя, поклонников было «хоть отбавляй». На горизонте даже показался тот самый — «свободный и надёжный», но, постепенно вникая в торговую жизнь, Клава стала понимать, что не всё так просто даётся в руки, а тем более в торговле. Чтобы не было недостач при ревизиях, а их проводили раз в месяц, приходилось прибегать к некоторым уловкам, как то: поменять ценники, недовесить, чуть-чуть обсчитать и прочие хитрости, применяемые продавцами. Если же эти правила

игнорировать, то получалось, что при каждой проверке — недостача, порою неоправданно большая. Сменщица у Клавы была опытным работником и толково всё объяснила: хочешь получать зарплату полностью, играй по правилам, установившимся в данной торговой точке.

Не сказать, что Клава была глубокой ханжой, что её удивили эти гнилые принципы, но всё же некоторое чувство тревоги и неудобства она, несомненно, испытывала. Всякий раз, когда её рука «творила неправду», у Клавы портилось настроение, и не было той свободы и легкости в душе, которые она обычно испытывала раньше от работы.

Вот и сегодня, водитель «газели» привёз из столовой тёплые булки, они лежали на лотках румяные и ароматные. На каждом лотке по пятьдесят. Жители близлежащих домов знали даже график привоза этих булок: 16 часов пополудни. Булки уходили влёт, цена у них была небольшая: всего-то два рубля за штуку. Их с удовольствием уплетали и взрослые, и дети, а иногда даже очередь выстраивалась из местных старушек. За окном стоял декабрь, к вечеру мороз крепчал и даже уличные витрины начали подергиваться и неем. До закрытия ларька оставалось около часа, Клава сидела на табуреточке и устало смотрела в маленькое окошко, выходившее прямо на большую проезжую дорогу. Ларьёк стоял на бойком месте, но под вечер машины проходили редко, а бабуси из ближайших домов старались закупить продукты засветло. И тут к окошку подошёл мужичок с собакой. Мужичок был знаком Клаве, да и жил неподалёку со своей очередной сожительницей. И звали мужичка таким знакомым и родным именем — Лёва. У Клавы, старшего брата тоже так звали. Сегодня Лёва был изрядно «под шофе», он явно спешил, руки его замёрзли, и, сунув в окошко две смятые десятирублёвки, Лёва пробормотал: «Мать, булок на все» — и подставил к окошку смятый и не совсем чистый пакет. Клава проворно отсчитала десять булок и свалила их в неопрятный пакет. Захлопнув окошко, Клава развернула смятые деньги, чтобы положить их в кассу, и тут увидела, что вместо двух «червонцев» в руках были десятка и полтинник,

то есть шестьдесят рублей. Лёва был ещё недалеко, крошил булку своей голодной собаке, и Клаве ничего бы не стоило выйти из ларька и окликнуть его. Но какая-то злая, нездоровая сила тормозила её. Она осторожно отложила деньги в сторону и, не торопясь, стала готовиться к закрытию своего торгового заведения. Она вяло думала, что Левка всё равно эти деньги потерял бы или пропил со своей собутыльницей, а так у Клавы будет маленькая заначка, на случай проверки.

(Начало на странице 4)

Жизнь шла своим чередом, торговля тоже, даже на личном фронте вроде бы всё высвечивалось в лучшую сторону. Приближалось Рождество.

Темными вечерами Клава сидела у телевизора, вязала на спицах очередную «красоту» для своей дочери и думала: «Вот выросла дочка, вышла замуж, всё у неё хорошо, у меня тоже вроде бы всё в порядке: и работа, и зарплата, и жильё, и даже неплохой ухажёр... Так чего же мне так тошно на душе, что же меня беспокоит? Что такое появилось в моей жизни, что мешает мне спокойно спать, дышать и просто быть счастливой?» В памяти, уже в который раз, всплыл злосчастный Лёвка со своими проклятыми булками. «Дались мне эти булки!»

А христианский мир готовился праздновать Рождество Христово. Клава с детства была отъявленной атеисткой, была некрещённой, икон в доме не держала. Правда на стене висела картинка «Мадонна с младенцем», но это не имело никакой божественной подоплёки.

Что за мысли роились в Клавиной голове? Они теснились, налегали друг на друга, кружили и волновали Клавино сердце.

В этот вечер, накануне Рождества, Клава закупила праздничных закусок: сыр, колбасу, шпроты, печенье, конфеты... Всё это добро лежало на столе, но нисколько не радовало Клавино сердце. Сгущались сумерки, ночь предстояла тёмная и беззвёздная.

«Что-то надо делать...», — думала Клава.

Ещё не осознавая полностью своих действий, она, как в замедленном кино, положила продукты в новый пакет, взяла свой, только что «выбранной» в руку пятьдесят рублей и тихо вышла из дома. Было кто-то не слишком морозно, но студёный ветер нёс позёмку, оттого подтолкнул её именно на этот на улице было неуютно и одиноко. В некоторых домах, сквозь замёрзшие стёкла пробивался оранжевый свет, где-то светились огоньками ещё наряженные к Новому Году, ёлки,

а в Лёвином доме света вообще не было. «Спят?»

Клава пробралась сквозь нечищеный сугроб к окошку и тихо постучала. Звук получился глухой, но вполне слышимый. В глубине домишко забрезжил свет.

Клава услыхала застарелый кашель нездоровой женщины, зяянула на крыльце щеколда.

— Кто?! — голос звучал слабо и хрипло.

— Откройте, пожалуйста, вам тут передали долг, женщина одна... прохожая...

— Какой ещё долг? Мне никто не должен!

— Да возьмите же, ради Бога!

Клава, смущенно отворачиваясь в темноте, сунула в руки женщине пакет, деньги и стремительно выскочила за покосившуюся калитку. Она торопливо шла по заснеженной улице, холодный ветер охлаждал её разгорячённые щёки, сердце взволнованно колотилось, а душа... А душа наполнялась покоем и радостью.

«А может он есть всё-таки, Бог-то?! Ведь что-то привело меня к этому захудалому домику. Ведь не зря же те злополучные булки постоянно всплывали в памяти?»

Возможно, жизнь у Клавы будет долгая и счастливая. Настанет день, и она придёт в храм, примет Святое крещение от старенького, доброго священника. И будут висеть в красном углу её дома красивые иконы, научится она молиться и обязательно уйдёт с этой опасной работы.

А пока она бежит сквозь снег

Ещё не осознавая полностью своих действий, она, как в замедленном кино, положила продукты в новый пакет, взяла свой, только что «выбранной» в руку пятьдесят рублей и тихо вышла из дома. Было кто-то не слишком морозно, но студёный ветер нёс позёмку, оттого подтолкнул её именно на этот на улице было неуютно и одиноко. В некоторых домах, сквозь замёрзшие стёкла пробивался оранжевый свет, где-то светились огоньками ещё наряженные к Новому Году, ёлки,

**Татьяна
Вагнерова**

Шуточные любовные напевки

Снежная пороша замела пути.
Прежнею дорожкой больше не пройти,
Как весной ходила на свиданье я
Тропочкою в парке, от любви горя.

Лето не согрело солнышком любовь.
Я бегу на встречу, а тебя нет вновь.
Больше не приходишь на свиданье ты
С нежною улыбкой, а в руках цветы.

Осенью я плачу, с неба дождик льёт.
Что ж теперь страдать мне, может, целый год.
Всё кругом так мрачно, грустная пора.
Просто этот парень не любил меня.

Я к весне отгаю, с силой соберусь,
В яркие наряды снова наряжусь.
И с надеждой в сердце, и мечту храня,
Отыщу я парня, чтоб любил меня.

Кузнецик и Стрекоза *Басня*

Кузнецик с Кузнечихой рядышком жил.
Но почему-то он с ней не дружил.
Ну, а Кузнечиха сон потеряла
И день за днём по соседу вздыхала.

А приглянулась ему Стрекоза.
Крылья прозрачные, с блеском глаза,
С ветки вспорхнёт – и уже полетела,
А, оглянувшись, игриво смотрела.

Ну, а Кузнечиха, как побрякушка,
Да и зелёная, словно лягушка.
Коленки все острые, только стрекочет.
И уж смотреть на неё – нету мочи.

Прыгал Кузнецик всё выше и выше,
Чтоб к Стрекозе заскочить бы на крышу.
Ну а она уж сидит на цветке,
И умирает Кузнецик в тоске.

Больше не хочет ни пить он, ни есть...
Так тяжело крест любви этой несть.
Весь похудел и осунулся он.
Уж не стрекочет, а слышен лишь стон.

Ну а Кузнечиха не унывала
И по лугам всё еду собирала.
Сделав запасы к зиме, между прочим,
И для Кузнецика, жаль его очень.

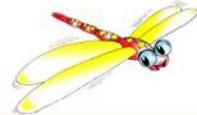
Осень наступала, и холод идёт.
А Стрекоза уж теперь не поёт.
Ну а Кузнецик голодный лежит.
Весь обессилен, всё тело дрожит.

И тут соседка на помощь пришла,
С силой собравшись и к дому таша,
Застрекотала, не помня обид
И предложила с запасов обед.

Вот, отогревшись, Кузнецик сидит,
Тело его уж совсем не дрожит,
Сыт и спокоен, подумал чудак:
«Что же я в жизни всё делал не так?»

Тут на соседушку он посмотрел,
Снять пелену с глаз своих он сумел.
Видит, она и добра, и умна,
А как душою красива она!

Ну, а мораль басни здесь такова:
Ходит по свету давно уж молва:
«Воду с лица не советуют пить,
Да и сучок по себе лишь рубить»

В ноябре у **Анатолия Зубова** был юбилей. Его трудовая жизнь началась на механическом заводе. После армии вновь вернулся туда, совмещая работу с учёбой в техникуме. Пробовал разные сферы деятельности, но неизменной оставалась любовь к поэзии и к театру. В зрелые годы проявил эти увлечения в литературном объединении «Лира» и в драматическом коллективе при ДК «Юбилейный».

«Лировцы» поздравляют Анатолия Николаевича с юбилеем и желают здоровья и успехов во всех делах!

Поздравление с юбилеем Анатолия Николаевича Зубова

Когда ноябрь, озябший и унылый,
Ещё хранит тепло минувших дней,
Сквозь солнца луч снежинкой белокрылой
Зима спешит во всей красе своей.

Робки пока её прикосновенья,
Чуть блещут белоснежьем кружева,
О Вашем повествуя дне рожденья,
Плетут узоры веющие слова.

Что значит Анатолий, кратко – Толя? -
Упорство и настойчивость в крови,
Пытливый ум, конечно. Сила. Воля.
Всегда поможет, только позови...

Находчив, романтичен и галантен,
И чувств его порой не остудить,
Он пылок в комплиментах. Толерантен.
Готов любить, страдать и вновь любить!

Актёрский дух живёт в нём не напрасно,
Любая роль: «Взял паузу - держи!»
Отыграна на сцене с чувством страстным -
Ведь там осталась часть его души!..

Всё это Вам назначено судьбою,
Вам, Анатолий, и без лишних слов,
Мы этой поэтической строкою,
Зажечь хотели бы тысячи костров

В честь торжества, в честь Вашего рожденья
И юбилейной даты - Шестьдесят!
Любви желаем, счастья, вдохновенья
И пусть глаза, как в юности горят!

21.11.2014

Евгения Ревакова

Анатолий Зубов

Собачья дружба

Жили у одного хозяина на дворе две собаки: Шарик и Султан.

Шарик – маленькая дворняшка, а Султан – охотничья лайка. Собаки так привыкли друг к другу, что, когда хозяин брал Султана на охоту, Шарик очень скучал и долго выл на всю округу. Часто хозяин приходил с охоты очень не довольным. Он никак не мог приучить свою охотничью собаку приносить подстреленную дичь. Султан убегал с ней, не желая подавать добычу хозяину. Никакие наказания на него не действовали. И его перестали брать на охоту. Теперь охотничья собака стала разделять вместе с Шариком участь цепного пса. Так и жили они, охраняя хозяйский двор за чашку похлёбки. Одно в их жизни развлечение было: со злостью полаять на гуляющих по огороду кошек.

Однажды собрался хозяин в лес и решил взять с собой Султана. Радости пса не было предела. Он убегал далеко вперёд, пропадая из виду, возвращался, весело фыркая, и вновь бежал вперёд, наслаждаясь свободой. Пришло время возвращаться домой. Хозяин достал поводок и позвал собаку к себе. Султан понял, что прогулка его завершилась, и ему снова придётся сидеть на цепи. Он всем своим видом показывал нежелание идти домой: кружился вокруг хозяина, но близко к нему не подходил. Хозяин кричал, ругался, грозил поводком, но собака не слушалась. Пришлось ему пойти на хитрость. Он поманил к себе собаку лакомым кусочком. Виновато виляя хвостом, Султан с опаской подошёл. В это время хозяин схватил его за ошейник и несколько раз ударил поводком по спине. Собака вззвизнула, вырвалась и бросилась бежать. Долго звал хозяин своего пса, но он больше не появлялся.

Пошёл хозяин домой один, надеясь, что собака вернётся, когда нагуляется. Но прошёл день, другой, Султан так и не вернулся. А во дворе его всё ждал и тосковал Шарик. Несколько дней он ничего не ел, выл и постоянно смотрел в сторону калитки, откуда должен был появиться его друг. Но он так и не вернулся.

Со временем Шарик успокоился. Он по-прежнему сторожил двор, лаял на соседских кошек и, казалось, совсем забыл о Султане...

Шли годы. Однажды зимой Шарик заболел: он тяжело со стоном дышал, ничего не ел, почти не выходил из конуры. Все усилия хозяина помочь собаке были тщетны. Она угасала на глазах.

Как-то ранним утром хозяин вышел покормить свою больную собаку. Возле будки Шарика стоял Султан с оборванной цепью на ошейнике.

- Ну, что пришёл, бродяга?

Султан, виляя хвостом, подошёл к хозяину и виновато уткнулся носом в его колени.

- Долго же ты гулял. Подожди, сейчас покормлю.

Хозяин вынес из дома плошку с кашей, поставил её перед собакой. Съев кашу, Султан, тяжело вздохнув, отправился в свою конуру, которая так и стояла на прежнем месте.

Прошёл день, а утром Шарик умер. Долго стоял Султан возле его будки, стоял и смотрел на неподвижно лежащего мёртвого друга. Пёс даже не заметил, когда появился хозяин.

- Отмаялся, бедняга, - тихо сказал тот, взял лопату, завернул собаку в мешок и понёс её со двора.

Когда хозяин вернулся, Султан подошёл и тоскливо взглянул на него.

- Значит, проститься пришёл? Как же ты узнал? Просто невероятно.

Через два дня Султан ушёл и больше не возвращался...

*С днём
Рождения!*

В декабре у
Александра Кузнецова

день рождения. Мы, поздравляя его, желаем крепкого здоровья, творческих успехов, сохранения присущего ему юмора!

* * *

Ноябрь прошёл, и предстоит
Шагнуть к зиме навстречу бойко.
Она взъмёт нас, удивит,
И занесёт, и закружит,
Мы всё преодолеем стойко.

И не страшны нам холода,
Её пурга, ветров порывы.
Мы ждём, она придёт к нам. Да!
Но с нами капельки тепла
От лета будут ещё живы!

Такая радость детворе,
И взрослые в восторге тоже.
Отложим грусть о ноябре,
С детьми катаясь на горе,
Все станут чуточку моложе.

Скучать не смеяйте в эти дни,
И пусть не балует погода,
Друзей с собою позови,
Не оставайся ты в тени,
Ведь скоро

главный праздник года!

Первый снег

Первый снег вспорхнул и полетел
Заискрил игриво, безмятежно,
Ветер тихо в такт ему запел,
Рассыпая бисер нот прилежно.

Первый снег, как первая любовь,
И волнует сердце, и тревожит,
То влечёт загадкой сладких снов
И сомнения нещадно множит,

То искристой белой пеленой,
Словно в танце, мчится он по кругу.
Одарив сияньем час ночной,
Вдруг в окошко постучит подруге.

Как прекрасна белоснежья новь!..
Жаль, что закрутив едва, растает.
Станет светлым ручейком любовь
И уйдёт... Куда? - Никто не знает...

Я всё прошу вам и забуду...

*“Только неблагодарный человек способен
в глаза хвалить, а за глаза злословить”*

Пифагор

Вы за глаза меня обидите жестоко,
Коснётесь самых сокровенных чувств,
Но не найти от ваших слов и толков прока,
Как и от мыслей беспардонных буйств.

И от безмерного и пылкого кокетства,-
За них готовы в омут с головой! -
Когда желаемое с ложью по соседству,
Реальность остаётся за чертой!

Простить смогу неблагодарностей причуды,
Платить не стану тем же! - Я сильней!
И отпущу вам грех за ваши пересуды,
Пусть канут они в память прошлых дней!

Пусть не встречают люди зависти во взглядах,
Что источает весь ваш вздорный лик,
Ну, а речей, слащаво брошенных бравада,
Оставит пусть сомнений чуждый крик.

Я всё прошу вам и забуду, может статься...
Но как изменчив всё же бренный мир...
В глаза вы будете при встрече улыбаться
И говорить, что я для вас кумир...

**Евгения
Ревакова**

Декабрь

Декабрь опять не радует снегами,
Не стелет белоснежием постель
А где-то далеко за облаками
Застыла в ожидании метель.

Душа её волнуется, трепещет,
Чуть невесом, и свеж морозный дух,
Да иней вдруг просыплется, заблещет,-
Опустится на землю белый пух.

Всё тихо, сном овеяна природа,
Чуть дремлет ветер, не стучится в дверь.
Декабрь, пророча завершенье года,
Не может отыскать зимы свирель.

Я знаю, Новый год не за горами.
И жду с восторгом зимний бенефис!
Дохнёт мороз, как прежде, сиверами,
И нам споёт метель ещё на бис!

Надежда Власова

В низенькой светёлке

Главы из повести

Декабрь 1917 г.

Городок мой маленький, тихий и необыкновенно красивый, раскинулся на берегах одноимённой речушки Нерехты. Сейчас она заросла осокой и стала совсем узкой. А сто лет назад сын фабриканта Константина Апполинарьевича Брюханова, хозяина льняной мануфактуры, по этой речке, на моторной лодке катал мою бабушку Полю.

Ассортимент полотен, выпускаемых фабрикой, для нашего городка был просто фантастическим. До сих пор в Краеведческом музее хранятся альбомы с образцами тканей – качеством их и расцветками восхищаются не только знатоки. Сейчас таких не встретишь – ни наших, ни заграничных.

Много воды утекло с тех пор в нашей речке. Город изменился: вырос вширь и высоту. Но, слава Богу, остались ещё места, которые хранят память о прошлом. И, когда попадаешь туда, так хочется отмотать назад плёнку времени и посмотреть, что происходило сто лет назад в нашем городке. Если б это было возможно!.. Но ведь у Бога нет ни прошлого, ни будущего – есть только настоящее...

1.

Павел вернулся из города мрачнее тучи. Распяя Серко, обнял его за шею и долго стоял не двигаясь. А перед глазами мелькали картины ярославских улиц, заполненных народом так, что проехать было нельзя. Одни колонны шли молча, другие кричали: «Вся власть советам!», «долой буржуев!», «попов на свалку истории!», - и ещё какие-то непонятные слова.

Молоко с творогом у него расхватали ещё на Всполье. Оставалось только купить подарки на Рождество, но к торговой площади было не проехать: начался митинг – так говорили городские. Оказалось, что митинг – это когда все, кому не лень, залезают на бочки и орут хульные слова на царя, на богатых и даже на Бога. Павел нетерпеливо ждал, когда разойдётся беснующаяся толпа, и думал, не повернуть ли назад, пока к его саням не подвалили два пьяных солдатика.

- А ну, тятя, покаж, чё везёшь, - нагло заявил один, откинув попонку, которой были прикрыты пустые четверти из-под молока.

- А-а, так ты уже всё вылакал, старый пёс!

С такой наглостью Павел ещё не встречался. Он хотел было ответить, что таких сопливых щенков вовремятопить надо, но словно кто-то велел ему молчать. Он столкнул с саней пьяного и рванул вожжи: «Ну, Серко, давай, уноси ноги!»

Конь взвился на дыбы, издав устрашающие звуки, и развернул сани, чуть не опрокинув их. Окатив пьяных целой лавиной снега, сани стрелой помчались по пустынной улице, разгоняя ошалевших воробьев и галок, пировавших на лошадиных кокурках...

Павел очнулся от воспоминаний, когда ощущил на губах мокрую соль: «Господи! Да что ж это я? Ровно баба разинулся?»

- Паш... - у дверей сарая стояла Марья, - али случилось чево?

Павел утерся шапкой, словно вспотел: «Эшшо не хватало, увидит».

- Случилось давно уж. Революция у их. Всё промят, стреляют, таштят чё попало.

- Слава Богу, живой! – всхлипнула Марья. – А я уж ждала... Приехал давно, а всё нет и нет. Пойдём ужинать. Детки чай думают, «топерича оба пропали».

- Ничёво деткам не привёз. Не пустили. Митинг у их. К лавкам не проедёшь, коня не оставишь.

- Ой, Паш, а у нас тута како горе-то! Сениных-ту нова власть из дома выгнала. Говорят: «Вы кулаки. У вас две лошади, да две

коровы, да баранов десяток. И всё отняли. Их от дом Старковым отдали, а тех – в ихнюю развалюху... Паш, и у нас ведь лошадь, да корова с телёнком, да овечек шесть. Варвара говорит: «Погоди, и вас раскулачат». Это у их так называется.

Сердце зашлось у Павла, и сразу кровь прилила к вискам.

- В Нерехту ехать надо, к бате. А этта топерича жизни не будет.

Подошли к крыльцу.

- Деткам ничёво не сказывай. Как Бог даст. Полинка на выданье. Ей репутацию надо держать. Пошли, Марья.

Вечеряли молча. Филиппов пост. Пшено на воде. Мать Настёнке маслица льняного полила, а Полинке с Лёвой и так хорошо – большие.

Пока вынимала кашу из печи, слёзы сами полились дождем. Утёрлась передником. А мысли не выходят из головы: «А как же могилки-то: маменька, тятенька, Яшенька с Машенькой? Кто приберёт?...». О скотине даже не вспомнила – будто знала, что о ней беспокоиться не придётся.

2.

Наутро к Марынным пришли. Не успела хозяйка и печь истопить. Два городских незнакомых мужика: один здоровенный, рыжий, в шинели без погон и папахе с красным окольшем, другой маленький, крепкий, как сучок, в кожанке, безкозырке матросской и с наганом на боку. Их сопровождали Гешка Кривой и Федька Окорок, двоюродный племянник Павла. Под окном гудел народ. Кто пришёл посочувствовать, а кто из любопытства. Рыжий зачитал грамоту: Марыны, де, кулаки и их добро надо экспро-принять. Всё должно принадлежать народу.

- А мы, что, - удивлённо спросил Павел, - не народ, что ли?

- А вы – кулаки, - заявил Федька. – Наживаитесь на нашей бедности.

- Ах, ты, гнида! Да если бы ты работал со своей харей, а не тянул, что плохо лежит, ты бы всех богаче в деревне был.

Тот, что в кожанке, стал расстегивать кобуру:

- Я вот щас шлётну тя за оскорбление личности...

Павлу словно снова кто-то приказал молчать...

- Давай, веди добровольно. А то за сопротивление революции и шлётнуть могу, - вроде как идя на уступку, продолжил матрос.

Павел посмотрел на Марию. Глаза её казались чёрными от расширившихся зрачков. Словно окаменевшая, жена едва прошелестела губами:

- Веди, Паша, веди...

Первым выскочил Федька. За ней вывалилась из избы остальная компания, плотным кольцом окружив Павла.

Полинка с Настёнкой, всё это время сидевшие не дыша за печкой, с рёвом бросились матери на шею.

- Тише, тише, мои родные, а то услышат, опять придут.

Девчонки закрыли ладошками рты, но успокоиться никак не могли. В избу вошёл Лёва, их десятилетний брат.

- Мам, чё случилось-то? И нас, что ли, раскулачивают? А тятю не убьют?

- Спаси Бог! – испуганно перекрестилась Мария. – В Нерехту поедём, тятя сказал... А на чём топеречка, коли коня отбёрут?

Вернулся Павел. Жена смотрела на него полными ужаса глазами, не смея произнести слово.

- Открыл я им дверь. Как хотят, сами... Давай, Маруся, в Нерехту собираться.

- А скарб-от на чём везти, Паш?

- Скарб-от?.. Топерича я буду за Серко.

Мария с Полинкой заплакали. Заскулила, как щенок, Настя.

- Ну-ко не реветь! Эшшо мы с Лёвкой заревим! Тогда уж не ехать, а плыть придется. – Павел нажал указательным пальцем на настенки мокрый нос. – Не реви! Бог даст, новую скотинку заведём... Полинкино приданаё, одёжёнку, да обонуща чем... ну тё-ко, по-скорому. Дотемна, Бог даст, до Рождества дойдём.

3.

Дал Господь. И не замёрзли. По снежку сани сами ехали. Переночевали у Марииного брата Михаила. До них ещё не докатилось раскулачивание. Анна со снохой погоревали, поплакали. Мужики с горя по чарке выпили. А чуть свет тронулись в путь.

Калерия Похлебалова

Стрекоза

Осень была на славу. Уже третью неделю продолжалось «бабье лето». Стояли изумительные по красоте солнечные тёплые дни. Казалось, природа извиняется за дождливое холодное лето.

Красный «москвич» неторопливо пробирался по просёлочной дороге и, выехав на шоссе, прибавил скорость. До областного центра, куда он направлялся, было пятьдесят километров.

- Похоже, погода хочет испортиться, - сказал своей спутнице мужчина, сидящий за рулём.

- Да, наверное, к вечеру соберётся дождь. Тучки по небу бродят, да и то сказать, грех жаловаться на погоду – пора и дождику быть, - ответила женщина, которая была похожа на некрасовскую героиню: «... широкая и плотная, глаза большие, строгие, ресницы богатейшие, сурова и смугла».

По шоссе «Москвич» шёл ходко, и через час с небольшим они подъехали к общежитию, где жили студенты энергетического университета («универ» - так называли его студенты). Общежитие заселили в начале учебного года. Пятиэтажное здание ещё сияло свежей краской. Этажи разделялись на «крылья»: слева – мужское, справа – женское.

В одной из комнат первого этажа дверь была приоткрыта. За столом, напротив окна сидел русый широкоплечий парень. Перед ним на столе лежали открытые конспекты, но, судя по остановившему взгляду, мысли его были где-то далеко... В коридоре послышался женский голос, очень напоминавший мамин. «Да не может быть, показалось», - подумал он и приглушил магнитофон. А в комнату уже входила та самая «некрасовская» женщина.

- Мама!

- Алёшенька, сыночек, здравствуй!

- Мамуля моя! А я будто знал, что ты приедешь, вот только уборку закончил делать.

- А у вас хорошо, чисто, уютно, - мать с удовольствием оглядела комнату.

- Мам, а ты на чём приехала, ведь поезд только ночью?

- С дядей Володей, на его машине, он сейчас пошёл к Серёже. Не знаешь, он на занятиях или уже пришёл?

- Пришёл, он ко мне недавно заходил.

- Вот и хорошо. Пойдём к машине, надо продукты привезти. Мы с дядей Вовой набрали вам всего: и картошки, и варенья, и соленья...

- А пироги, мам? Всем очень нравятся твои пироги.

- Да как же ехать к тебе без пирогов? Конечно, испекла и привезла. Мать внимательно взгляделась в лицо сына, заметила горькую складочку возле губ, и материнское сердце заныло.

- Алёша, у тебя всё в порядке? Дома уже месяц не был, не пишешь, молчишь. Ты не заболел? Вон какой худющий стал.

- Я здоров, мам, у меня всё нормально, - Алёша отвёл глаза в сторону.

- А где ребята? – старалась мать разговорить сына. Она поняла, что сын что-то скрывает.

- Илья ушёл на тренировку.

- А Гоша?

- А Гоша гуляет... Гуляет с Юлей.

- С Юлей? С той самой Юлей, про которую ты мне рассказывал?

Алёша молча кивнул.

- Да что же это такое? Как же так?

Сын молчал, а в голове матери быстрой чередой прошли воспоминания. Вот Алёша-подросток превращается в рослого юношу. Девчонки засматриваются на него, а он на вопросы мамы, наполовину шутливые, наполовину серьёзные, отвечает: «Мам, да все девчонки – дуры».

Два последних года в школе классным руководителем у Алёши была Светлана Анатольевна, недавняя выпускница пединститута, симпатичная, худенькая, как подросток, энергичная, влюблённая в свой предмет, математику, и, как говорится, учитель от Бога. А мальчишки, старшеклассники, были все

немного влюблены в неё. Не был исключением и Алёша. Почти все ребята и девушки этого выпуска стали студентами, Алексей – в их числе. По-прежнему весь в учёбе, весь в делах, и никакого внимания на прекрасную половину человечества.

Он был уже на третьем курсе, когда появилась в их группе после «академички», пропустив год по болезни, белокурая голубоглазая красавица. И Алёша влюбился. Юля тоже приметила серьёзного парня. Они подружились. После перерыва в учёбе Юле было трудно, и Алексей во всём старался помочь любимой девушке: делал чертежи, оформлял лабораторные работы, писал рефераты. И как он только всё успевал? Учился на повышенную стипендию, работал на кафедре лаборантом (уже и книжку трудовую выдали) и Юле помогал. Мама знала о дружбе Алёши с Юлей: он сам ей рассказывал об этом, восхищаясь красотой Юли:

- Мам, знаешь, какие у неё глаза? Голубые, чистые, как небо.

«Вот тебе и чистые, как небо, глаза», - подумала мать, но промолчала. Алёша, подавив вздох, с горечью рассказал маме, что Юля оказалась «сомнительной» девушкой. Красавица была уже избалована вниманием мужчин, а Алёша ей был нужен лишь для помощи в учёбе, а для любви она выбрала богатенького Гошу. Скромный и бедный, как и большинство студентов, Алексей не вписывался в её мечты. Сестра Алёши тоже училась в институте, отец болел, и мать, выбиваясь из сил, работала на двух работах, чтобы дать образование детям. Трудное было время, о котором пели в частушке «По России мчалась тройка: Миша, Рая, перестройка...».

Когда у Юли с учёбой благодаря Алексею всё наладилось, она переметнулась к Гоше. Алёша очень переживал, потому и домой не ехал. Его горе усугублялось тем, что Гоша жил с ним в одной комнате. Однажды Алёша не выдержал и сказал ему: «Знаешь, ты больше не приводи её к нам...».

Так вот почему так неспокойно было на душе у матери. И правильно сделала, что приехала, всё узнала, поговорила с сыном, успокоила, как могла.

«Москвич» отправился в обратный путь, когда уже стемнело. Накрапывал дождь.

Прошло полтора года. Опасения родителей, что Алёша не сможет забыть Юлю, не оправдались. Алексей уже учился на последнем курсе, шёл на «красный» диплом и его оставляли на кафедре в «универе». На одной студенческой вечеринке он познакомился с девушкой. Молодые люди понравились друг другу, стали встречаться.

А тем временем Юля поняла: Гоша никогда не позовёт её замуж. Подружки уже почти все замужем, а она осталась, как говорится, «на бобах». И Юля, подобно стрекозе из известной басни, стала порхать от одного поклонника к другому. Её видели то с грузином не первой свежести, то с лысеющим доцентом с кафедры марксизма-ленинизма, а то со второкурсником. А втайне Юля надеялась вернуть Алексея, самонадеянно думая, что он продолжает её любить. Вспоминала, с какой нежностью он смотрел на неё, как тогда ей завидовали подруги. Она стала подстерегать его, когда он был один, без друзей и без девушки, с которой Алексея теперь часто видели. Наконец, такой случай представился. Разговор получился односторонним: Юля говорила, а Алексей молча смотрел на её красоту и вспоминал... Он помнил ту боль, которую испытывал, когда она уходила с Гошей. Юля теперь умоляла простить её, но в душе Алексея не было ответного чувства. Девушка замолчала и с надеждой смотрела на Алексея, ждала, что он ответит.

Наконец он заговорил:

- Юля, ты даже не можешь себе представить, как я благодарен и тебе, и судьбе за этот жизненный урок. Зла на тебя не держу. Каким же я был тогда простаком... Прости, но мне надо идти.

- Но я знаю, что ты не любишь эту, с которой ходишь, - Юля цеплялась за последнюю надежду.

- Юля, любовь, это не для тебя. Любишь ты только себя, красивую, поэтому ты и одна осталась. Пока! Удачи!

Юля гордо вскинула голову и ушла. И, только оставшись одна, расплакалась – из-за обиды на себя, от унижения. Она поняла, что боль, причинённая ею Алёше, бumerангом вернулась к ней.

Зло и подлость имеют такое свойство: возвращаться в точку отправления. Происходит это не так быстро, как нам бы хотелось, но происходит.

В конце ноября в библиотеке им.М.Я.Диева состоялась презентация коллективного сборника «Нерехта – песня моя» и книги Анатолия Корсакова «Нерехта – свет души моей». Об этой встрече сообщала газета «Нерехтская правда». Вышла еще одна книжная новинка, с которой успели познакомиться некоторые нерехтчане. Мы имеем в виду книгу Алевтины Алфёровой «Бабий век».

В этот раз наша сказительница вновь обратилась к исследованию истории восемнадцатого века. Невероятно, но, «перелопатив» массу исторических книг, она не «утонула» в этом море фактов и имен. Алевтина Николаевна удивила не только сама своим открытиям, но и нас, читателей, увлекла смелостью и яркостью женских судеб.

*Век восемнадцатый,
Особый век, галантный,
Какой-то умник
Бабьим обозвал.*

*Чудак не подмечал,
что в русском языке
Все самые высокие слова
Имеют женский род:
Держава, родина и мать,
Любовь и страсть,
И жизнь, и смерть – все на одно,
На женское лицо!*

*Сегодняшний рассказ о веке,
Когда Россией управляла
только женская рука!*

А дальше - повествование о Екатерине I, императрицах Анне, Елизавете, Екатерине II.

Виргилиус Эриксен.
Портрет императрицы
Елизаветы Петровны, 1757

Дмитрий Левицкий.
Екатерина Дашкова, 1984

Конечно, был бы рассказ о «Бабьем веке» неполным, если бы не прозвучали и другие женские имена, которые тоже являются неотъемлемой частью своего времени.

*«О Дашковой моя строка.
И голову свою седую
Перед тобой, великая,
Склоняю перед тобою!»*

А потом ... «Гимн женской верности
Наталье Шереметьевой пою!»

А еще о детстве и юности Надежды Дуровой.

*Эпоха та учёных женщин не имела,
Их были единицы.
Зато какие имена, какие лица!
Волшебницы, святые и блудницы!
Их в веке золотом хватало!...*

Эту книгу Алевтины Николаевны Алфёровой можно найти в Межпоселенческой библиотеке им.М.Я.Диева на улице Ленина.

Идёт декабрь, но так сложилось, что наши литераторы, видимо, ещё не настроились на новогоднюю и рождественскую тему, сдавая свой материал в конце ноября, не ощутили быстротечности времени.

Уважаемые читатели, рассказы и стихи на эту тему мы поместим в следующем номере нашей газеты.

«Нерехтская Лира»
(литературно-краеведческая газета)
выходит 1 раз в месяц, с января 2012 г.,
на благотворительные пожертвования читателей.
Тираж 100 экземпляров.
Подбор литературного материала осуществляется
членами литературного объединения «Лира».

Ответственный за выпуск: И.К.Лешкова.
Верстка: Межпоселенческая биб-ка им.М.Я.Диева
Распространяется через библиотеки города
Нерехты и из рук в руки.
Отзывы и корреспонденцию направлять по адресу:
г.Нерехта, ул.Ленина, д.28 "А",
Межпоселенческая библиотека им.М.Я.Диева.
Тел.: 75-3-78, 7-44-07 (И.К. Лешкова)